

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ.

13 и 20 Іюля 1915 года.

№№ 28-29.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Часть неофициальная.

Голгова и Воскресеніе.

(Продолженіе).

Но какъ бы ни были велики ужасы и отрицательныя послѣдствія настоящей войны, надо признать, какъ мы и раньше говорили, что эта война не была случайностью, что она есть результатъ всего направленія матеріалистической, новоевропейской культуры съ ея эгоизмомъ, мѣщанствомъ и пренебреженіемъ моральными цѣнностями. Мы повседневно переживаемъ насилія и преступленія, становимся свидѣтелями глубокихъ паденій, но не нужно забывать, что все это не создается, а лишь выявляется войной, срываясь изъ подъ лицемѣрной личины мѣщанской прилизанности и вѣжливости; если бы не открылась война, процессъ обмѣщаниванія, духовнаго банкротства продолжался-бы до настоящаго времени передъ нашими глазами, и многіе изъ насъ, можетъ быть, этого не замѣтили. Но люди таланта, люди особыхъ духовныхъ дарованій и пророческихъ прозрѣній ясно видѣли, къ чему поведетъ отдѣльныя націи культъ матеріализма и мѣщанской культуры, лишенной духовной основы. Особенность талантливыхъ людей отъ простыхъ смертныхъ въ томъ и заключается, что въ то время, какъ вторые *смотрятъ*, первые *видятъ*. Уразумѣваютъ внутренній смыслъ внѣшнихъ явленій. Такъ, Герценъ излилъ въ своихъ произведеніяхъ отчаяніе и невѣріе въ европейскій міръ, „идуцій въ мѣщанство“, причемъ „авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство—идеаль, къ которому стре-

мится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна“... „Миръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчиствъ, несмотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоявшій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, рекламъ... Да, любезный другъ, пора прійти къ покойному и смиренному сознанию, что мѣщанство—окончательная форма западной цивилизаци, ея совершеннѣе; имъ замыкается длинный рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности—все, вносившее столько поэзи и бѣды въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій оно предоставляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и сильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры... западный миръ сталъ отстаиваться, уравниваться: все, что ему мѣшало, утягивалось мало по малу въ тяжелѣвшія волны, какъ насѣкомыя, захваченныя смолой янтаря... Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, безпокойное, эксцентрическое. Люди, какъ товаръ, становились чѣмъ то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ“.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что Германія, эта преимущественно и безъ всякой мѣры обмѣщанившаяся страна, развила въ себѣ основныя мѣщанскія добродѣтели: точность, методичность, трудоспособность, научность. Она обмѣщанила даже христіанскую религію, приспособивъ ее къ „amor loci“, выдѣливъ и подчеркнувъ въ ней преимущественно элементы земной, практической, бытоустраивающей морали. И, что всего хуже, Германія не только обмѣщанилась сама, но, сознавъ себя во главѣ мѣщанской культуры, рѣшила и всѣ другіе народы причастить къ этой культурѣ при посредствѣ огня и меча. Что такое лжемессіанство можетъ привести лишь къ духовному краху, объ этомъ ясно и определенно высказался хотя бы нашъ К. Леонтьевъ. Этотъ полный антиподъ Герцена говоритъ о мѣщанской новоевропейской культурѣ, свившей себѣ гнѣздо въ Германіи, почти буквально словами Герцена: „Герцену, какъ гениальному эстету 40-хъ годовъ, — пишетъ К. Леонтьевъ, — претилъ прежде всего самый образъ этой средней европейской фигуры въ цилиндрѣ и сюртучной шарфѣ, мелкодостойной, трудолюбивой, самодовольной, по своему, пожалуй, и стоической, и во многихъ случаяхъ несомнѣнно честной, но и въ груди своей не носящей другого идеала, кромѣ претворенія всѣхъ и вся въ нѣчто себѣ подобное, и съ виду даже не-

слыханно прозаическаго, еще со временъ каменнаго періода. Герценъ былъ настолько смѣлъ и благороденъ, что этой своей аристократической брезгливости и не скрывалъ. И за это ему честь и слава... Какъ скоро Герценъ увидѣлъ, что самъ рабочій французскій, котораго онъ сначала жалѣлъ и на котораго такъ надѣялся, ничего большаго не желаетъ, какъ стать поскорѣе самому мелкимъ буржуа, что въ душѣ этого рабочаго загадочнаго ровно ничего нѣтъ, и что въ представленіяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго и дѣйствительно новаго, такъ Герценъ остылъ къ рабочему и отвернулся отъ него, какъ и отъ всей Европы, и сталъ вѣрить послѣ этого больше въ Россію и ея оригинальное, не европейское и не буржуазное будущее. Образъ будущаго мелко ученаго, поверхностно мыслящаго и трудового человѣчества былъ бы вовсе не прекрасенъ и не достоинъ! Да и то еще вопросъ: будетъ ли счастливо подобное человѣчество? Не будетъ ли оно нестерпимо тосковать и скучать! Нѣтъ, я вправѣ презирать такое блѣдное и недостойное человѣчество, безъ пороковъ, правда, но и безъ добродѣтелей, и не хочу шагу сдѣлать для подобнаго прогресса. И даже больше, если у меня нѣтъ власти, я буду страстно мечтать о поруганіи идеала всеобщаго равенства безумнаго движенія; я буду разрушать такой порядокъ, если власть имѣю, ибо я слишкомъ люблю человѣчество, чтобы желать ему такую спокойную, быть можетъ, но пошлую и унижительную будущность“.

Такимъ образомъ, двое изъ русскихъ видныхъ людей,—двѣ противоположности,—ради любви къ своему народу, къ дѣлу общечеловѣческой культуры произносятъ одинаковый беспощадный приговоръ мѣщанской цивилизаціи, и русскій ультраконсерваторъ ссылается на русскаго революціонера. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что все историческое дѣло Европы сводилось безъ остатка къ мѣщанской цивилизаціи и было лишено творческой культуры. Означенные здѣсь писатели давно въ пророческомъ предвѣдѣніи предостерегаютъ насъ отъ увлеченія отрицательными сторонами западной цивилизаціи, какъ честные стражи на своемъ посту, открыто подымаютъ свой сторожевой факелъ, во всеуслышаніе кричатъ о гибельныхъ пучинахъ и подводныхъ камняхъ, способныхъ потрясти до основанія и даже совсѣмъ уничтожить дѣло истинной культуры на историческомъ пути человѣчества. Что они были правы въ своихъ надеждахъ и своихъ опасеніяхъ, въ этомъ не только мы, но и все человѣчество убѣдилось съ достаточной ясностью.

Что-же дальше? Неужели и мы, и все человѣчество не сдѣлаютъ соотвѣтствующихъ руководящихъ выводовъ изъ создаваемаго международнаго кошмара, не примутъ мѣръ къ тому, чтобы мѣщанскія основы культуры съ ея эгоистическими интересами, съ правомъ сильнаго, съ пренебреженіемъ духовными цѣнностями, не будутъ похоронены вмѣстѣ съ настоящей войной? Думать такъ—значило-бы—подписать смертный приговоръ надъ духовной мощью человѣчества, позволить Каину безпрепятственно лить кровь по землѣ и съ циничной усмѣшкой глумиться надъ небомъ, надъ всѣми высшими стремленіями и цѣлями человѣка. Къ счастью, человѣчество еще живетъ въ *Божьемъ* мірѣ, а не на мѣщанской бойнѣ. Оно въ своемъ большинствѣ еще не настолько огрубѣло, чтобы цѣлью жизни ставить поклоненіе золотому тельцу. И блаженны тѣ, кто вложитъ свои силы, свои знанія, свою волю въ великій духовный сдвигъ человѣчества! Блаженны миротворцы, которые сумѣютъ фальшивый фундаментъ матеріалистической культуры замѣнить незыблемыми духовными основами любви, довѣрія и уваженія къ человѣку. Только на этихъ основахъ возможенъ истинный, прочный миръ всего міра!

* * *

И въ этой великой міровой миссіи приметъ большое, непосредственное участіе—Св. Русь. Наше отечество въ исторической семьѣ народовъ является сравнительно молодымъ государствомъ, а юность есть признакъ силы, ей принадлежитъ будущее. Но, говоря о нашемъ историческомъ призваніи, мы должны имѣть въ виду не однѣ только „славянофильскія тенденціи“. Думать, будто настоящая борьба есть только борьба за торжество славянства—значитъ быть не совсѣмъ объективно точнымъ. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ славянствомъ сейчасъ борются противъ общаго врага и японцы, и бельгійцы, и англичане. Цѣль и задачи настоящей войны несравненно шире и глубже: человѣчество хочетъ освободиться отъ кошмара идолопоклонства, оно не желаетъ идти скованнымъ въ цѣпяхъ по указкѣ юнкеровъ и торгошай германскихъ, или какихъ-либо иныхъ, настоящихъ или будущихъ, хотя несомнѣнно, что, напр., славянство свое богатое духовное наслѣдіе сумѣло воплотить въ созданіи великихъ національныхъ культуръ, которыя, какъ все творческое, имѣютъ отпечатокъ конкретнаго, индивидуальнаго, національнаго, а потому и общечеловѣческаго.

Нашъ ученый историкъ проф. Гриммъ такъ говоритъ о духовныхъ задачахъ момента, переживаемаго теперь всѣмъ человѣчествомъ:

„Императоръ Вильгельмъ II лѣтъ десять тому назадъ призывалъ народы Европы охранять ихъ драгоцѣннѣйшія блага отъ желтой опасности“. То, чему мы являемся свидѣтелями въ современной Германіи, даетъ народамъ Европы основаніе позаботиться прежде всего объ охранѣ культуры отъ внутренняго варвара, который дремлетъ въ каждомъ народѣ и въ каждомъ изъ насъ и который въ такой омерзительной формѣ обнаружилъ свое присутствіе въ державѣ Вильгельма II. Имя этому варвару—человѣконенавистничество, преклоненіе предъ силой и мѣщанство. Борьба съ нимъ представляетъ самую настоятельную потребность всей нашей культурной жизни.

Совершенно ясно, что сама по себѣ національная идея такъ же законна, какъ стремленіе отдать себѣ ясный и точный „реалистическій“ отчетъ въ условіяхъ жизни какъ отдѣльной личности, такъ цѣлаго народа и человѣчества. Мало того, для нормальнаго функціонированія народной жизни бодрый оптимизмъ, всегда связанный съ извѣстной степенью индивидуальнаго достоинства, представляется болѣе желательнымъ, чѣмъ неврастеническое брюзжаніе и постоянныя жалобы на свою судьбу. То, противъ чего надо протестовать, это не національная идея, не реализмъ мысли, не чувство бодрого довольства, а шовинизмъ, пренебреженіе къ правовымъ и этическимъ цѣнностямъ и мѣщанство. Въ этихъ извращеніяхъ здоровыхъ въ корнѣ своемъ мыслей и чувствъ заключается страшная опасность для культуры, воочію проявившаяся въ современной Германіи и грозящая всей Европѣ, если она не сумѣетъ найти противоядіе противъ нихъ.

Противоядіе это есть. Оно заключается въ основномъ ядрѣ подлинной человѣческой культуры, въ идеяхъ права, справедливости и любовнаго вниманія къ нуждамъ и интересамъ ближняго, все равно, къ какой бы расѣ, къ какому бы общественному классу, къ какой бы средѣ онъ не принадлежалъ. Нельзя строить будущее ни на борьбѣ народовъ, ни на борьбѣ классовъ. Борьба эта и безъ того совершается. Задача истинной культуры не можетъ заключаться въ томъ, чтобы возводить эту борьбу въ перлъ созданія, чтобы превращать реальный фактъ въ идеальную форму, чтобы укрѣплять всѣми силами боевые лозунги и боевую ненависть, хотя-бы съ надеждой на то, что впоследствии онѣ въ одинъ прекрасный моментъ почему-то исчезнутъ и уступятъ мѣсто взаимному сближенію и согласію. Нельзя всячески возбуждать звѣря въ человѣкѣ и въ то же время думать, что этимъ расчищаешь путь къ торжеству культуры. Культура и самодо-

вольное презрѣніе къ инородцу или къ инако мыслящему, культура и поклоненіе силѣ, культура и самодовольно-комфортабельное мѣщанство—непримиримыя противорѣчія. Гдѣ растеть одно, тамъ отмираеть другое.

Современная европейская жизнь полна вѣковой злобы и ненависти, политическаго и соціалнаго неустройства, взаимнаго непониманія и плоскаго самодовольства, и было-бы наивно думать, что легко замѣнить эти черты чертами, свойственными настоящей человѣчности и культурѣ, или что для этого достаточно одной проповѣди права, справедливости и любви. Передъ человѣчествомъ стоитъ огромная задача постепеннаго и послѣдовательнаго внѣдренія высшихъ этическихъ нормъ бытія въ жизнь всѣхъ и cadaго.

Было бы печально, если бы такого рода идеи звучали сентиментальностью. Повторяемъ, отъ проведенія ихъ въ жизнь зависитъ будущее всей европейской культуры. Германія показала намъ слишкомъ ясно, какая опасность грозитъ этой культурѣ, если она не вспомнитъ самымъ серьезнымъ и дѣятельнымъ образомъ о высшихъ этическихъ цѣнностяхъ, въ ней заключающихся и обуславливающихъ ея собственную цѣнность и прочность.

Ни высокой паеосъ національной идеи, ни паеосъ идеи соціальной справедливости не окажутся носителями творческихъ началъ культурной жизни, если они не войдутъ въ самую тѣсную связь съ высшей этической нормой уваженія и любви къ человѣку, уваженія и любви не только къ человѣку будущаго, національно, или соціально-идеальнаго государства, но и къ современному человѣку, какъ онъ есть сейчасъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Обезображенное злобой лицо современной Германіи должно послужить всѣмъ намъ страшнымъ предостереженіемъ и урокомъ“.

Къ словамъ почтеннаго профессора мы должны еще добавить, что въ дѣлѣ духовнаго возрожденія человѣчества большая творческая работа предстоитъ христіанской религіи и ея носителю—вселенскому православію. Въ предѣлахъ нашего отечества слово Христовой истины оказало громадное, неотразимое вліяніе на складъ души народной, на выработку народнаго, можно сказать,—національнаго міросозерцанія, міропониманія, міроощущенія. Русская душа до сихъ поръ по преимуществу лелѣяла духовную, сверхкультурную сущность своего христіанства, сверхземную, но не земную его стихію. Поэтому Св. Русь получила

отпечатокъ чего-то надземнаго, нездѣшняго съ напряженной устремленностью вдаль и ввысь. Русскій человѣкъ вѣками воспиталъ въ себѣ привычку смотрѣть на весь міръ, на жизнь людей и на ихъ взаимоотношенія сквозь призму христіанскаго богооткровеннаго ученія. Въ то время, какъ германцы усваивали внѣшнія формы цивилизаціи, трудились съ чисто-нѣмецкой пунктуальностью и добросовѣстностью надъ совершенствованіемъ внѣшнихъ формъ жизни, внѣшняго комфорта,—русская душа всякія реальныя достиженія цивилизаціи цѣнила лишь постольку, по сколько они содѣйствовали воплощенію въ жизни высшихъ идейныхъ нормъ. Правда, мы многое переняли отъ запада, но это сдѣлали лишь въ исполненіе долга историческаго послушанія. Западъ былъ необходимъ намъ на земномъ поприщѣ, прежде всего, какъ школа техники, недостатокъ которой парализовалъ наше духовное творчество. Затѣмъ западъ нуженъ былъ намъ и какъ сокровищница духовной культуры, и общеніе съ нимъ было намъ необходимо, ибо дѣлало насъ духовно богаче, свободнѣе, шире, одареннѣе для собственнаго творческаго самоопредѣленія. Мы воспринимали и воспринимаемъ отъ запада различныя ученія, преимущественно, радикальныхъ оттѣнковъ; начиная съ XVIII вѣка мы перебивали на выучкѣ у многихъ учителей: у Руссо и Вольтера, Ад. Смита и Бентама, Фурье и Л. Блана, Лассалья и К. Маркса, Канта и Гегеля, Конта и Спенсера и за послѣднее время особенно надѣлили вниманіемъ нѣмецкаго „школьнаго учителя“. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти „измы“ воспринимались у насъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ мѣстахъ ихъ возникновенія, у насъ они окрашивались совсѣмъ противоположнымъ самоощущеніемъ, кочевническимъ стремленіемъ къ отрыву отъ мѣста, чувствомъ бездомности—въ своемъ собственномъ домѣ, стремленіемъ къ будущему—безъ реальнаго настоящаго, и это придавало русской мысли распыленный и въ своей отвлеченности радикальный характеръ.

Русская душа никогда не мирилась съ чувствомъ мѣщанства, всегда стремилась отрѣшиться отъ несовершенства земнаго бытія, тосковала отъ этихъ несовершенствъ. И доселѣ въ русской душѣ живетъ стихія степного кочевника, ей слышатся зовы безмѣрности и необъятной шири, ею чувствуется дышащая грудь матери—земли, давно прикрытая на западѣ асфальтомъ и камнемъ. Эта воля и ширь напѣли его душѣ свои пѣсни и сказки, свою мечтательную тоску по невѣдомомъ витязѣ, златокудромъ царевичѣ, который нѣкогда добудетъ завѣтную Жарь-Птицу и

освободить прекрасную Царь-Дѣвицу подвигомъ любви своей. Все здѣшнее, мѣстное, косное существуетъ только предвари-тельно, только такъ, до времени и между прочимъ, въ душѣ-же живетъ и ширится одна мечта о будущемъ.

Обратите вниманіе на русскую литературу! Вѣдь, литера-тура—душа каждого народа. Наша литература не даромъ назы-вается покаянной. Въ ней всегда слышатся голоса, зовущіе къ новой, совершенной жизни, звучитъ недовольство настоящимъ. Наша литература, проповѣдующая, что „весь міръ познанія не стоитъ слезъ одного ребеночка“, призывающая пожалѣть „несча-стненькаго“, не есть ли въ основѣ своей та-же проповѣдь еван-гельская о любви, милосердіи и самопожертвованіи? Что можетъ быть тутъ общаго съ ученіемъ о „бронированномъ кулакѣ“, о правѣ сильнаго?

Характерно, что нашъ Горькій, вышедшій изъ обществен-ныхъ низовъ, всю силу своего яркаго таланта употребившій на то, чтобы выразить презрѣніе къ лицемѣрной порядочности мни-мо-культурнаго челоуѣка, излившій свою желчь на „купца“, да-леко неблагосклонный къ „аббатамъ“, авторъ „Города Желтаго Дьявола“, онъ,—Горькій,—стоя на кульминаціонной точкѣ своего писательскаго подвига, пишетъ „Исповѣдь“ и въ ней родившій его русскій народъ называетъ народомъ—богоискателемъ, наро-домъ—богостроителемъ! И западные „товарищи“, не понявшіе Горькаго, „отлучаютъ“ его отъ своей среды за... богоискательство и богостроительство!

Теперь „товарищамъ“ придется не Горькаго отлучить, а предавать анаемѣ мѣщанскую культуру, лишенную богострои-тельства, и опирающуюся на ножи, штыки и „бронированный“ кулакъ. Что русская литература съ ея правдолюбіемъ и покаян-нымъ характеромъ, съ ея тяготѣніемъ къ духовнымъ цѣнностямъ является серьезнымъ факторомъ, который нельзя не учесть при строителствѣ будущей жизни міра, имѣющаго порвать связь съ основами мѣщанской экономики,—объ этомъ можетъ съ доста-точной убѣдительностью свидѣтельствовать адресъ англійскихъ писателей къ русскимъ, написанный въ декабрѣ прошлаго года.

(Продолженіе слѣдуетъ).